

Макроэкономика**3. Коррупция в мире и в России**

Через коррупционные скандалы и разоблачений в российской власти в последнее время, особенно в ноябре (Минобороны, Минсельхоз, питерский ЖКХ и т.д.) и законный вопрос о том, что это – временная компания или долгосрочный продуманный алгоритм действий властей, заставляет обратить внимание на параллельный выход в авторитетных западных экономических журналах нескольких научных работ, посвященных проблемам коррупции, где эта проблема рассматривается и с макроэкономической, и с институциональной точек зрения⁴. Общий вывод такой – роль государства в борьбе с коррупцией высока, но государство должно прежде заслужить доверие общества.

С макроэкономической точки зрения проблема коррупции анализируется со стороны эффективности госинвестиций и точности прогнозирования на основе агрегированной производственной функции с использованием стандартного подхода, предполагающего уровень эффективности госинвестиций на уровне единицы (а в реальности гораздо ниже) и с точки зрения использования сырьевой ренты. В последнем случае в качестве мотивов создания резервных фондов на страновом уровне рассматриваются не только мотив страховки бюджета ресурсно-ориентированной экономики от колебаний цен на сырьевые товары и мотив солидарности поколений (фонды будущих поколений), но и т.н. парковочный мотив, когда сырьевая рента сберегается в иностранных активах в силу того, что коррупционные потери от ее использования внутри той или иной национальной

⁴ Основные из них это: Benjamin A. Olken and Rohini Pande. Corruption in Developing Countries // Annu. Rev. Econ. 2012, vol. 4: 479-509; Abhijit Banerjee (MIT), Rema Hanna (Harvard), Sendhil Mullainathan (Harvard). Corruption // MITI WP 12-08. March 13, 2012.

экономики значительно выше инфляционных потерь (как разницы потерь от инфляции и доходов от инвестирования в высоконадежные, но мало доходные ценные бумаги).

С институциональной точки зрения проблема коррупции, в основном, рассматривается не как этический феномен, а как действие, связанное с нарушением легальных правил игры в ходе выполнения чиновником-регулятором действий, нацеленных по замыслу на рост общественного благосостояния в силу наличия т.н. провалов рынка. Актуально в связи с этим отметить еще раз взаимосвязь расширения участия государства в экономике, особенно в нефтяном и банковском секторе, которое наблюдалось в России в последние годы, и ощущения в обществе непомерного роста коррупции. Очевидно, что правила игры слишком часто нарушаются, и возникает вопрос как об их качестве и эффективности процесса разработки новых правил игры, так и о степени общественного доверия к общественным институтам, разрабатывающим и контролирующим исполнение этих правил. Поскольку в России прецедентное право, которое способствовало постоянной подстройке правил игры в выгодном для новых видов бизнеса направлении (как, например, в США в свое время), отсутствует, то это, на наш взгляд, актуализирует вопрос о реальном отделении функций генератора экономических правил игры (законов и подзаконных актов), который должен улавливать то, что необходимо для новых нарождающихся бизнесов, от функций строгого и неподкупного арбитра на поле честной экономической конкуренции.

Хотя никто не отрицает важность борьбы с коррупцией, особенно для развивающихся стран, где программы борьбы с коррупцией являются важнейшей составной частью долгосрочных стратегий развития (в отличие от России, где во всех стратегических документах эта проблема игнорируется), однако эта борьба, как показано в мировой экономической литературе, идет часто по наитию, то есть практика опережает теорию.

Несмотря на то, что с коррупцией активно борются во всем мире (в частности, только Мировой Банк с 1998 г. поддержал более 600 антикоррупционных

программ), однако эта борьба идет с переменным успехом, что связано, в первую очередь, с трудностями выявления и измерения коррупции, которая по сути своей есть тайное действие, скрытое и от общественного контроля, и от статистического учета. Тем не менее существуют многочисленные работы, где коррупция количественно измеряется, например, на уровне:

- от 4% до 14% стоимости перевозимого груза для таможенников Южной Африки и Мозамбика;
- 0,3–1% ВВП в Пакистане, где политически лояльные фирмы получали на 45% больше займов от госбанков, несмотря на то, что уровень риска дефолта у них был в два раза выше, чем у конкурентов;
- 1% ВВП в Украине, для которой в одном из исследований было показано, что уровень потребления госслужащих был примерно равен уровню потребления сотрудников частного сектора, занимающих аналогичные должности, а склонности к выбору места работы были эквивалентны, хотя заработная плата первых была на 30–40% ниже.

Чем новые научные работы могут быть интересны для российского случая? Какие проблемы и подходы стоит иметь в виду для выбора адекватных мер борьбы с ней, чтобы не наступать на «старые грабли», учитывая при этом, что эффект антикоррупционных мер часто снижается, поскольку политики и чиновники находят альтернативные пути получения прибыли? Не претендуя на полноту анализа, отметим некоторые интересные моменты, бросающиеся в глаза при беглом мониторинге новых журнальных статей.

Размеры коррупции

Вопрос о размере коррупции в той или иной экономике, даже если он решен для отдельных ее сфер, ещё ничего не говорит о серьезности проблемы, поскольку коррупция может быть всего лишь своеобразным видом зарплатного трансфера. Например, заработные платы чиновников в рыночных условиях при отсутствии

коррупции могли бы быть значительно выше (как, например, в случае с Украиной, описанном выше).

С другой стороны, мировой опыт говорит, что повышение доходов чиновников – не выход. Несмотря на столь часто обсуждаемую тему зарплат чиновников, на данный момент существует очень мало свидетельств того, что доход представителя властей влияет на уровень его коррумпированности. Например, в одном из исследований по выборке из 31 страны с низким доходом было показано, что назначение чиновникам вдвое более высоких зарплат, чем у работников реального сектора, ведёт к сокращению коррупции на 0,5 балла, измеряемой по шестибальной шкале.

Экономические издержки коррупции

Вопрос об издержках коррупции, в том числе о ее влиянии на экономический рост, рассматривается в статьях на уровне фирмы, госсектора и отдельных граждан. **Влияние коррупции на фирмы** в научных исследованиях рассматривается, в основном, через призму налогообложения в двух аспектах. Во-первых, учитывается изменение предельной эффективной ставки налогообложения. В зависимости от цели взятки коррупция может как снизить, так и повысить налоговые издержки фирмы. Если главная цель взятки – сокращение налога, то, естественно, суммарный объём выплат государству снизится. Если же взятки имеют другое назначение, то налоги останутся прежними, но в дополнение к ним прибавятся ещё и издержки на взятку. Таким образом, первый вопрос – могут ли взятки действительно быть благом для фирмы или всё же без них лучше? Во-вторых, нужно понять, являются ли налоги, выплачиваемые после взяточничества более или менее разрушительными для развития, чем те, которые первоначально установлены законом.

Для ответа на эти вопросы был проведен ряд исследований. В результате выяснилось, что на прибыль фирмы влияет не только размер взятки в сопоставлении с налогом, но и неопределённость, возникающая в случае

коррупции, поскольку именно неопределённость имеет разрушительные последствия на инвестиции. Более того, в ходе одного из исследований⁵ было обнаружено, что если уровень неопределённости, связанный с взятками, растёт, то даже при уменьшении абсолютных уровней коррумпируемости инвестиции значительно сокращаются. В дополнение к предыдущему результату другие авторы обнаружили, что зачастую фирмы готовы выбирать более дорогостоящие пути доставки продукции до производителя, только чтобы избежать взяток. Следствием такого поведения являются возросшие издержки неэффективности, которые также наносят непоправимый ущерб экономике.

Влияние коррупции на публичные сектора товаров и услуг рассматривается в литературе как с точки зрения повышения издержек государственных проектов, делая их нерентабельными и неэффективными, так и с точки зрения возникновения внешних эффектов от действий экономических агентов, когда государство вводит налоги или субсидии, чтобы нивелировать нежелательный эффект. Если вместо того, чтобы заплатить штраф, агент даёт взятку, то издержки от преступления закона снижаются с размера штрафа до размера взятки. В самом плохом варианте, когда взятка взимается независимо от того, имел штраф место или нет, издержки нарушения закона отсутствуют вовсе. В этой ситуации государство как регулятор теряет свою силу, что снова приводит к росту неопределённости и ухудшению инвестиционного климата. Анализ **влияния коррупции на индивидов**, проведенный в мировой экономической литературе, показывает, в частности, что жертвы взяток сами становятся более склонными к коррупции. Если перейти отсюда к обычной внутрироссийской дискуссии о том, что первично – коррупционное поведение государственного чиновника или взятка частного лица врачу или гаишнику (то есть гниет ли рыба с головы?), то ответ, на наш взгляд, однозначен: учитывая традиционный патернализм российского общества, негативный пример государства чрезвычайно заразителен и коррупцию в обществе не победить без очищения и перестройки структуры госаппарата.

⁵ Malesky E., Samphantharak K. Predictable corruption and firm investment: evidence from a natural experiment and survey of Cambodian entrepreneurs // Q. J. Polit. Sci. 2008, vol. 3: 227–267.

Мировой опыт борьбы с коррупцией

Мониторинг и наказание

Логично ожидать, что регулярный мониторинг может уменьшить уровень коррумпированности. Однако, как показывает мировой опыт, на практике сами проверяющие зачастую оказываются подвержены взяточничеству. Более того, даже во время аудита часто довольно сложно найти свидетельства взятки. Таким образом, прежде чем проводить мониторинг деятельности чиновников, необходимо понять, в какой степени он действительно способен повлиять на коррупцию.

Для изучения этого один из экспертов⁶ провёл эксперимент, суть которого заключалась в выборочном назначении жёсткого государственного аудита проектов по строительству дорог в Индонезии. Интересно, что в ходе эксперимента выявилась взаимозаменяемость между несколькими видами коррупции. При снижении уровня коррупции наблюдалось значительное увеличение уровня кумовства. Также в ходе исследования было выяснено, что мониторинг не способен сократить взяточничество, поскольку иногда взятки списывают на перебои в эффективности системы (неверные поступления, недостаток конкуренции).

Рынок взяток – создание жёстких условий

Если нельзя никоим образом бороться с коррумпированными чиновниками, то можно хотя бы попытаться сократить ущерб от них. В такой ситуации эксперты выделяют две возможные стратегии.

Первая – максимальное упрощение процесса принятия административных решений. В результате взятку придётся давать не нескольким чиновникам, а одному, что может привести к уменьшению выплачиваемой суммы и общей неопределённости.

⁶ Olken B. A. Monitoring corruption: evidence from a field experiment in Indonesia // J. Polit. Econ. 2007, 115: 200–249.

Вторая стратегия кардинально отличается от первой – можно наоборот увеличить число чиновников, чтобы простимулировать конкуренцию за взяточничество, что также приведёт к снижению размеров взяток. Недостатком данных методов является то, что рано или поздно чиновники начнут понимать, что государство проводит данные меры из-за того, что не может до конца искоренить коррупцию. Осознание слабости государства в борьбе с коррупцией может вести к росту недоверия, неопределённости и рисков.

В целом эксперты отмечают, что не существует идеального рецепта борьбы с коррупцией – необходимо очень гибко использовать все инструменты, формируя при этом необходимый образ сильного борца с коррупцией в глазах общества. Такая политика, как правило, приводит к появлению у экономического роста множества новых подпитывающих источников. При доверии правительству население будет больше потреблять, фирмы охотнее инвестировать внутри страны, а не за рубежом, а иностранные инвесторы будут им активно в этом помогать.

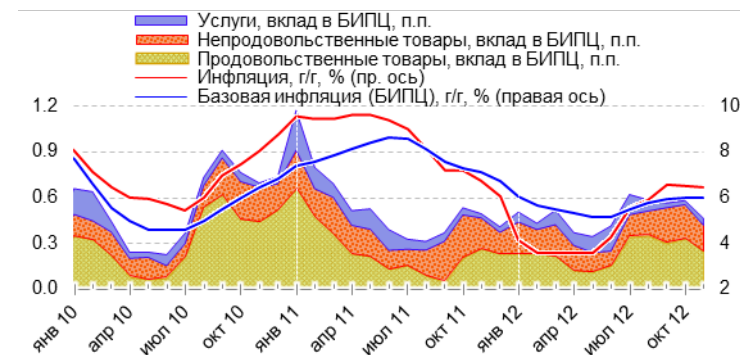
Валерий Миронов, Юлия Бучко

Деньги и инфляция

4. Базовая инфляция – стабильно и умеренно

Согласно данным Росстата, в ноябре 2012 г. инфляция опустилась до 0,3 с 0,5% в октябре, что лишь отчасти объясняется погрешностями при округлении (фактическое снижение составило 1,2 п.п., а не 2 п.п., как может показаться). В остальном столь резкое и неожиданное замедление (первая оценка Минэкономразвития по инфляции в ноябре составляла 0,6%) носило объективный характер.

Рис. 4.1. Динамика инфляции, базовой инфляции и вклад в базовую инфляцию за месяц различных компонент

Источник: Росстат, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.